О
РУСКОМЪ КНЯЗѢ,
РОСТИСЛАВѢ,
ОТЦѢ ЧЕШСКОЙ КОРОЛЕВЫ, КУНГУТЫ,
И
РОДѢ ЕГО.

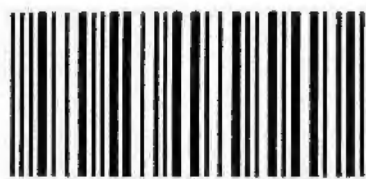
КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ФРАНЦА ПАЛАЦКАГО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЧЕШСКАГО

О. Бодянскаго.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1846.

О

РУСКОМЪ КНЯЗѢ, РОСТИСЛАВѢ,

ОТЦѢ ЧЕШСКОЙ КОРОЛЕВЫ, КУНГУТЫ, И РОДѢ ЕГО.

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

(Читано въ засѣданіи Чешскаго королевскаго Общества наукъ, 25-го ноября, 1841 г., н. сч.)

Чешская и Угорская исторія показываетъ намъ, что знаменитый и благородный Чешскій король, Премыслъ Отакаръ II-й, примирившись, въ 1260 г., послѣ долгихъ и кровопролитныхъ споровъ и войнъ, съ Угорскимъ Дворомъ, скрѣпилъ новую пріязнь свою обрученіемъ съ княжной Кунгутой, внукой Белы IV-го, короля Угорскаго, на коей и женился 25-го окт., 1261 года, въ Пресбургѣ. Извѣстно, также, что ета королева, Кунгута, была матерью короля Вячеслава II-го и, стало быть, непосредственной прародительницей всѣхъ послѣдующихъ Чешскихъ государей какъ Премыслова колѣна, такъ и Домовъ Люксенбургскаго, Польскаго и Австрійскаго до самаго новѣйшаго времени. А потому, кажется, не безполезно знать, откуда именно происходила ета королева, тѣмъ болѣе, что всѣ досолѣшніе Чешскіе, Австрійскіе и Угорскіе историки противорѣчатъ въ томъ одинъ другому и ошибаются.

Древнѣйшій и современный упомянутому событію Чешскій писатель, *Продолжатель Козьмы* (Continuator Cosmae) такъ выражается объ етомъ: „Anno 1261, VIII kal. Nov. princeps regni Bohemorum, duxit in uxorem Cunegundem filiam *Hostislai ducis Bulgarorum,* in castello Ungariae Possen.[1] Нѣтъ сомнѣнія, что лѣтописецъ етотъ, собственно, написалъ „*Rostislai,*" какъ читали ето еще *Неплахъ* и *Гаекъ*[2]; но *Пулкава*, слѣдуя неисправному списку, назвалъ Кунгуту[3] дочерью Гостислава, князя Бул-

1 Script. rer. Bohem. I, 405.

2 *Neplach* ap. *Pez.* II, 1033, et *Dobner* VII 113: „filiam Rostyslai ducis Bulgariae." *Гаекъ* подъ 1261 г.: „Kunhutu, dceru Rostislawowu, jenž byl knjže Bulgarsky."

3 *Pulkava* ap. *Dobner* III, 231: „Cunegundem filiam Hostislai ducis Bulgarorum, neptem

гарскаго," что удержалось у нѣкоторыхъ нашихъ историковъ до самаго начала нынѣшняго столѣтія [4].

Другой Чешскій лѣтописецъ, жившій нѣсколько позже предыдущаго, слѣдующее замѣтилъ о родѣ Кунгуты: „Fuit in Maschovia rex quidam generosus et nobilis, qui filiam bonis moribus insignitam nomine Chunegundam habuit, etc." Послѣ того упоминаетъ о ней *Францъ*, каноникъ Пражскій [5]: „Chungundam, regis de Mazovia filiam;" тоже и тѣми же словами повторяетъ и *Еней Сильвій.*

Современные Австрійскіе лѣтописцы, не называя по имени отца Кунгуты, говорили только, что онъ былъ не то княземъ, не то королемъ Рускимъ; другіе же, напротивъ, величали его княземъ Машовскимъ или Машковскимъ; но большая часть довольствовалась увѣреніемъ, что Кунгута была внукой короля Белы IV-го [6].

Чешскіе историки XVI и XVII го стол., *Лупачь*, *Велеславинъ*, *Балбинъ*, *Кругеръ*, *Бецковскій*, и др., занимались только безплоднымъ повтореніемъ и розысканіемъ упомянутыхъ выше извѣстій. Но когда ученый Угръ, Юрій *Прай*, сталъ обращаться въ изслѣдованіяхъ своихъ также и къ грамотамъ, то открылся новый, лучшій, путь къ отысканію истины, хотя, надо признаться, уже до него подошелъ было къ ней довольно близко Сам. *Тимонъ* въ своемъ Imago novae Hungariae, 1754 г. (стр. 79). Послѣ того согласились, что отецъ Кунгуты, а зять Белы, былъ княземъ Галицкимъ, который, по милости тестя своего, владѣлъ также, нѣкоторое время, Мачвой, частью нынѣшней Сербской земли; современныя же Угорскія грамоты называли его Ratistaw или Radislaw. Етому вѣрили и писали не только Угорскіе историки, *Катона*, *Корнидъ*, и другіе, но также и Чешскіе, *Пубичка*, *Пельцель*, *Корнова*, и проч. Но когда снова I. Хр. *Енгель* (въ своей Geschichte von Halič und Wladimir, Halle 1796, S. 560 — 62) и I. А. *Феслеръ* (въ Geschichte der Ungarn), заглянувъ нѣсколько въ древнія Рускія лѣтописи, увидѣли, что въ XIII-мъ столѣтіи вовсе не было въ Галиціи

Belae regis Ungariae." По Чешски у Прохазки стр. 390.

4 Chron. aulae regiae ap. *Dobner* V, 34.

5 Chronicon Francisci Prag. in Script. r. Bohem, II. 23 — 24.

6 Chron. *Salisburg.* et *Claustroneoburg.* ap. *Pez* I, 367, 463 „neptem (Belae) regis Ungariae." Chron *Lambacense* ap. *Rauch* I, 485, *Augustense* ap. *Freher. Struv.* I, 535, it. chron. ap. *Pez* II, 1113: „filiam regis Rusciae." — Chron. *Mellic.* ap. *Pez* II, 241: „Margaretam (*sic*) neptem Belae regis Ungarorum, filiam Annae reginae de Marschowe." — *Ottakers Reimchronik* ap. *Pez* III, 90 — 91: „Zu derselben Stund—Chuning Welans Tochter von Maschkaw — Hätt' ein Kind in solher Schaw.—Der sich niemant macht geleichen — in zwein Kunigreichen— An Schon (Schonheit)", etc. *Anon. Leobiens.* ap. *Pez* 1, 826: „filiam Rutenorum et Mazoviae principis, quae fuit filia filiae Belae regis." — Подложный Гантальеровъ *Пернольдъ* ошибся тутъ чрезвычайно, утверждая, подъ 1261: „Bela—Otakaro depactus est pro uxore Kunegundem neptem suam ex filia *Constantia* (!)", когда мы знаемъ, что Анна была матерью Кунигунды, а Констанція выдана за Льва Даниловича, основателя города Львова въ Галиціи.— Введенный въ заблужденіе етѣмъ Адріянъ Раухъ (впрочемъ, основательный знатокъ исторіи) написалъ, въ 1781 г., въ Oesterr. Gesch. III, 251: „Auch Bela hatte eine Enklin, Kunegund genannt, aus seiner Schwester (!) Constantia, die mit Rostislaus Herzoge von Bulgarien vermählt war." Сдѣсь, сколько именъ, столько ошибокъ.

ни какого князя „Радислава“, тогда стали называть зятя Белы „*Ростиславомъ*“, пологая, притомъ, что имъ былъ Ростиславъ Мстиславичь, внукъ того Ростислава Мстиславича, который, некогда, въ 1214 г., водилъ дружбу съ Угорскимъ княземъ, Коломаномъ, и изгнанъ Всеволодомъ Чермнымъ изъ своего удѣла. Етому мнѣнію послѣдовалъ и я, въ 1859-мъ г., въ своей Geschichte von Böhmen (II, 188), хотя, правда, выразился о томъ однимъ только словомъ. Но роясь, нынѣшнимъ годомъ, въ сводѣ старыхъ Рускихъ лѣтописей, изданномъ въ Москвѣ, 1837 г. (въ л.), *Николаемъ Арцыбышевымъ*, подъ названіемъ: „Повѣствованіе о Россіи“, я убѣдился вполнѣ въ ошибкѣ моей и всѣхъ предшественниковъ моихъ, и потому рѣшился открыть правду всѣмъ тѣмъ, кому нужно знать о ней.

Отецъ Чешской королевы Кунгуты былъ *Ростиславъ Михайловичь*, князь Галицкій, владѣтель Мачевскій и Рудницкій, изъ роду Рускихъ Черниговскихъ князей или, такъ называемыхъ, Олеговичей, оспоривавшихъ, когда-то, у потомковъ Владиміра Мономаха долѣе и сильнѣе всѣхъ прочихъ достоинство „Великаго князя“ всей Руси.

Етѣ Олеговичи были потомки князя Олега Черниговскаго (1115 г.), сына Святослава Черниговскаго († 1076), третьяго сына Великаго и славнаго князя Ярослава Владиміровича († 1054), родоначальника всѣхъ почти послѣдующихъ князей Рускихъ. Сынъ Олега, Всеволодъ, былъ Великимъ Рускимъ княземъ съ 1139 по 1146, а сынъ Всеволодовъ, Святославъ, умеръ 1194 г., коего сынъ, Всеволодъ, по прозванію Чермный, бывшій Черниговскимъ княземъ по 1210 г., а потомъ Кіевскимъ, скончался 1215, оставивъ по себѣ сына, Михаила († 1246), отца нашего князя, Ростислава [7].

Михаилъ Всеволодовичь, князь Черниговскій, въ первый разъ упоминается подъ 1224-мъ годомъ, какъ участникъ, съ прочими Рускими князьями, въ несчастной битвѣ противъ Татаръ на Калкѣ, изъ коей, однако же, удалось ему спастися. Сестра же его вышла уже въ 1212 г. за Великаго князя, Георгія Всеволодовича, который далъ его, въ 1225-мъ г., Новгородцамъ въ князья; но онъ не долго тамъ пробылъ; впрочемъ, въ 1229-мъ снова былъ призванъ Новгородцами, къ коимъ и отправился съ, младшимъ сыномъ своимъ, Ростиславомъ.

Тогда Новгородъ раздѣлялся на двѣ стороны: одна благопріятствовала Великому князю, Георгію Всеволодовичу и, насланному имъ, Михаилу Черниговскому, а другая держалась брата Великаго князя, Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невскаго, предводителемъ коей былъ тогдашній посадникъ, Иванко Димитріевичь. Михаилъ Черниговскій снискалъ себѣ расположеніе народа своимъ правосудіемъ и тихостью: подтвердивъ

---

7 Доказательства такой родовой послѣдовательности можно найти у *Арцыбышева* II, 271, N. 1684, подъ 1206 г., по Никоновскому списку: „Всеволодъ Чермный Святославичь, внукъ Всеволожь, правнукъ Ольговъ“ Далѣе, II, 316, N. 1986, подъ 1224 г., по Воскресенскому списку: „Князь Михайло Всеволодовичь Чрънигoвскій, внукъ Святослава Ольговича“, и по Никоновскому, тамъ же: „сынъ Всеволода Чермнаго.“

крестнымъ цѣлованіемъ права етого города, онъ освободилъ смердовъ, сошедшихъ на чужую землю, отъ подати на пять лѣтъ, а другимъ велѣлъ давать обыкновенную на деньги, собранныя съ противниковъ его за приверженность ихъ къ Ярославу, приказалъ построить *великой* новый мостъ черезъ Волховъ, нѣсколько выше стараго, далъ городу новаго посадника, Внезда Водовика, и такого же архіерея въ лицѣ отличнаго мужа, Спиридона. При избраніи етого владыки упоминается уже и нашъ княжичь, Ростиславъ, именно: когда предлогали было еще двухъ другихъ въ етотъ санъ, Михаилъ сказалъ: „Положимъ три жребья: пусть рѣшитъ воля Божья, кому быть у насъ архіереемъ!" И вотъ положили три жребья, съ написанными именами, на Святую трапезу, и вызвали Ростислава изъ комнаты архіерейской: онъ вынялъ жребій Спиридоновъ. Спустя годъ (1230) праздпованы были въ Новгородѣ постриги Ростиславовы [8]; согласно съ обычаемъ, епископъ въ церкви, послѣ молитвы, *уя* въ первый разъ ему *власъ*, и тѣмъ онъ какъ бы отданъ былъ подъ покровъ Божій, чтобы созрѣлъ въ мужа совершенна.

Князю Михаилу соскучилось быть долго въ Новгородѣ, и потому, бросивъ его, онъ оставилъ въ немъ сына, Ростислава, подъ надзоромъ и руководствомъ посадника, Внезда Водовика, человѣка строгаго и мстительнаго, а самъ отправился въ свой Черниговъ. Но ето только что усилило Ярославову сторону, и когда, послѣ многихъ несогласій, Ростиславъ уѣхалъ съ Водовикомъ, 8-го декабря, 1230 г., въ Торжокъ, народъ вдругъ возмутился на другой день, и приверженцы Ярослава снова получили верхъ въ городѣ. Ростиславъ, не видя для себя безопасности даже и въ Торжкѣ, принужденъ былъ бѣжать за отцемъ въ Черниговъ, послѣ чего князь Ярославъ Всеволодовичь опять началъ править Новгородомъ, 30-го декабр., 1230 г. Съ той поры ни Михаилъ, ни сынъ его, не имѣли больше ни какаго дѣла съ Новгородомъ.

Съ 1234 по самый 1250-й г. продолжались ссоры и войны етѣхъ князей съ славными Романовичами, Даніиломъ и Василькомъ, равно какъ и съ ихъ друзьями, за городъ Кіевъ и Галицкое княжество. Кажется, Михаилъ, женатый на сестрѣ Романовичей, несправедливо поднялъ етѣ усобицы противъ свояковъ, и не льзя не признаться, что во всемъ етомъ спорѣ несравненно благороднѣе и мужественнѣе дѣйствовалъ Даніилъ Романовичь, нежели наши Черниговскіе князья. Уже въ 1234-мъ покушался было Михаилъ овладѣть Кіевомъ, но напрасно; однако 1235 г., соединясь съ Изяславомъ Мстиславичемъ и Половцами (Куманами), онъ отнялъ его у Владиміра Рюриковича и, помощника его, Даніила Галицкаго. За симъ Изяславъ утвердился въ Кіевѣ, а Михаилъ овладѣлъ, въ первый разъ, въ етомъ году княжествомъ Галицкимъ по-

---

8 Новгородскій Лѣтописецъ такъ выражается объ етомъ обрядѣ: „Князь Михаилъ створи постригы (постригы) сынови своему Ростиславу Новѣгородѣ, и уя власъ Архіепископъ Спиридонъ." *Арцыбышевъ* II, 334, No. 2133. Сравн. объ етомъ обрядѣ Славянское житіе св. Вячеслава, въ Журн. Чеш. Муз. 1835 г., стр. 454—455. Также *Арцыбышева* II, стр. 373.

слѣ возстанія Галицкихъ бояръ противъ Данiила, принудившихъ бѣжать его въ Угрію.

Въ 1236 г. продолжалась война за Галичь съ Романовичами, коимъ помогали Угры; въ ней Михаилъ и Ростиславъ, при помощи Поляковъ и Половцевъ, устояли. Но въ 1237 Михаилъ, примирясь съ Даніиломъ, далъ ему Перемышль въ замѣнъ Галича.

Когда Великій князь, Георгій, умеръ въ 1238 г. и, братъ его, Ярославъ Всеволодовичъ Новгородскій, сдѣлался Великимъ княземъ, Михаилъ, овладѣвъ Кіевомъ, оставилъ въ Галичѣ сына своего, Ростислава. Но Даніилъ Романовичъ, пользуясь походомъ Ростислава со всѣми своими боярами противъ Литвы, нежданно окружилъ столицу его, Галичь, и взялъ ее. Ростиславъ, воротясь изъ Литвы, долженъ былъ оставить Галичь и, удаляясь въ Угрію, былъ, по словамъ Волынской лѣтописи [9], преслѣдуемъ Даiиловымъ войскомъ до самыхъ Карпатскихъ горъ.

Въ 1239-мъ г. явились Татарскія полчища подъ стѣнами наслѣдственнаго пребыванія князей нашихъ, Черниговомъ, и, послѣ долгаго и тяжкаго боя (въ коемъ бросали со стѣнъ въ непріятелей изъ тарановъ такіе камни, какіе могли поднять только четыре человѣка), овладѣли имъ и сожгли огнемъ. Вскорѣ потомъ грозный предводитель Татаръ, Батый, отправилъ къ Кіевлянамъ пословъ своихъ съ предложеніемъ поддаться ему добровольно. Но когда Кіевляне, въ отвѣтъ ему, умертвили Татарскихъ пословъ, князь Михаилъ, испугавшись такого дѣла и предвидя грозу на ету древнюю и знаменитую столицу Руси за такой поступокъ, оставилъ Кіевъ и уѣхалъ, за сыномъ своимъ, въ Угрію. Жена же его, пока, осталась въ городѣ Каменцѣ, гдѣ, однако, была плѣнена Вел. княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ (Ингваревичемъ?) и отдана братьямъ ея, Романовичамъ, которые приняли и держали ее у себя въ великой чести. Послѣ

9 У *Арцыбышева* II, стр. 353, No. 2273, „Ростиславъ же бѣжа въ Угры; путемъ, имъ же идяше на Борьсуковъ Дѣлъ, пріиде къ бани, рекомѣй Родка, и оттуда иде въ Угры. Данилови же увѣдавшу уходъ ихъ, посла на нѣ вое свое и гнаша по нихъ до горы.“ Конечно, сдѣсь разумѣются славныя въ то время Рудныя копи (Родна; Рудка? отъ руда? *Переводч.*) въ сѣверовосточной Седмиградіи, о коихъ скажу еще ниже. „*Дѣломъ*“,—замѣчаетъ у Арцыбышева г. Погодинъ,—Карпатороссы называютъ главный хребетъ цѣпи Карпатскихъ горъ.“ Замѣчаніе ето взято, кажется, изъ статьи, доставленной г. *Зубрицкимъ*, переведенной кѣмъ-то и помѣщенной въ Москвитянинѣ 1841 г.; оно, однако же, не совсѣмъ вѣрно. Дѣломъ, какъ и горбами, верхами, бердами, полонинами, рипами, называются Карпаты у тамошнихъ Русовъ вообще, тутъ однимъ, тамъ другимъ, а тамъ третьимъ, и т. д., именемъ, смотря, по тому, гдѣ какое изъ нихъ преобладаетъ. *Дѣлъ* отъ *дѣлить*, откуда сложное *предѣлъ*, *отдѣлъ*, и пр., и оно въ етомъ видѣ и теперь еще употребляется Сербами, Хорватами (діо, dio, дѣлъ, гдѣ о = л) и Чехами (djl, часть, отдѣлъ, отдѣленіе), слѣдов., горы называются дѣломъ въ смыслѣ томъ, что онѣ дѣлятъ одну страну отъ другой, полагаютъ, составляютъ, предѣлъ. Карпаты же, какъ Карпаты, преимущественно являются намъ такимъ дѣломъ: названіе весьма *дѣльное*, перешедшее и къ сосѣдственнымъ Румунамъ. О прочихъ, упомянутыхъ выше, названіяхъ Карпатъ, не мѣсто теперь распространяться сдѣсь; въ другое время мы поговоримъ о нихъ въ своемъ, надлежащемъ, мѣстѣ. *Переводчикъ*.

того Даніилъ овладѣлъ и Кіевомъ и поставилъ въ немъ тысяцкаго своего, Димитрія, который, хотя и защищалъ, съ необыкновенною храбростью и отважностью, ету мать городовъ Рускихъ, однако же не могъ отстоять ее. Съ паденіемъ Кіева, 6-го декабря, 1240 г., пала и Русь вообще подъ иго Татарское.

Между тѣмъ, Михаилъ и Ростиславъ, не нашедши убѣжища у короля Угорскаго, Белы, выгнавшаго ихъ, кажется, уже въ 1239 г. отъ себя, какъ непріятелей, удалились къ Польскому князю, Конраду Старому, въ Куявіи, брату Лешка Бѣлаго, Краковскаго[10]. Преслѣдуемый такимъ несчастіемъ, Михаилъ обратился съ просьбой къ свояку своему, Даніилу, о примиреніи и былъ, сверхъ всякаго ожиданія, принятъ имъ ласково. Но узнавъ о паденіи Кіева, онъ боялся уже остаться и у Даніила, и потому отправился снова къ Конраду Куявскому, а отъ него, бѣгая Татаръ, еще далѣе, въ землю Вратиславскую. Тутъ, близъ города Среды (Неймарка въ Силезіи) напали на него Силезскіе Нѣмцы, избили его дружину и отняли все имущество, бывшее съ нимъ[11]. Послѣ того, не задолго до сраженія при *Легницѣ*, въ коемъ, какъ извѣстно, Вратиславскій князь, Генрихъ Набожный, погибъ, 9-го апрѣля, 1241 года, Михаилъ опять удалился къ Конраду Старому, а отъ него, съ, сыномъ, Ростиславомъ, отправился во Владиміръ Волынскій и Пинскъ, болѣе, какъ изгнанникъ, нежели государь.

Непріятно видѣть, что вскорѣ потомъ, т. е., уже въ 1241-мъ г., Ростиславъ Михайловичъ, забывая благодѣянія дядей (по матери) Романовичей, оказанныя имъ, а равно и необходимость согласія и любви между Рускими князьями, когда безчеловѣчные Татары безпрестанно губили, соединился съ Болховскими князьями и безпокойными Галичанами противъ Даніила и Василька, вторгся снова съ войскомъ въ землю ихъ и проникъ до самой Бакоты. Однако, война ета была столько же во вредъ ему, сколько сама въ себѣ несправедлива, потому что онъ принужденъ былъ опять уступить, и въ

---

10 Одинъ изъ етѣхъ братьевъ былъ дядей князю Михаилу; но кто именно, *Лешекъ*, или Конрадъ, намъ заподлинно неизвѣстно, потому что оба они женаты были на Рускихъ княжнахъ, первой на Гремиславѣ, а второй Агафіи.

11 Ето событіе не подало ль повода къ сказанію объ убіеніи красной Кублаевны Нѣмцами, которое, по Краледворской рукописи и Старонѣмецкой легендѣ о св. Гедвикѣ (въ *Klose* Documentirte Geschichte von Breslau, 422—426) было, де, причиной нашествія Татаръ на земли Христіянскія и случилось, по словамъ послѣдней, именно у города Среды (Neumarkt)? „Dy Burger vnd dy Gemeyne der Stat zu dem Neumargk — erschlungen, Herren, Ritter vnd Knechte mit sampt der Kayserin, vnd yre junckfrawen" u. s. w. — Въ Кіев. и Волын. лѣтописи по Ипатьевскому списку ето описано такъ: „Михаилъ же увидѣвъ пріатье Кіевское, и бѣжа со сыномъ своимъ во *Лахы* Кондратови, приближав-шимъжеся Татаромъ, то нестерпѣ туто' иде въ землю Воротьславьску и приде ко мѣсту Нѣмецкому, именемъ *Середа*; узрѣвши же Нѣмцы, яко товара много есть, избиша ему люди и товара много отъяша, и *унуку его убиша*; Михаилу же не дошедшю и собравшюся, и бысть въ печали велицѣ, уже бо бяхуть Татари пришли на бой ко Иньдриховичю. Михаилъ же воротися назадъ опять Кондратови. Стр. 177 *Переводч.*

1242-мъ, когда Татары возвращались изъ Угріи, ускакалъ въ Щекотовъ. Наконецъ, пораженный Татарами, 1243 г., у Борка, вторично бѣжалъ къ королю Белѣ IV-му, въ Угрію, который и принялъ его теперь гораздо ласковѣе, нежели пять лѣтъ тому назадъ. Король выдалъ за него послѣ дочь свою, Анну, которой прежде не хотѣлъ дать ему.

Вступленіемъ, посредствомъ брака, въ королевскій Угорскій домъ, открылась новая епоха въ жизни Ростислава. Бела V-й, писавшійся, по хвастливому обычаю Угорскихъ государей, королемъ Галицкимъ, сдѣлался, съ того времени, величайшимъ помощникомъ зятю своему при возвращеніи Галицкаго княжества отъ Романовичей. Такъ онъ уже въ 1245-мъ г., вторгся, въ первый разъ, съ Угорскимъ войскомъ въ Галицкую Перемышльскую землю и, на первыхъ порахъ, разбилъ, у рѣки Сѣчницы, молодаго Льва Даниловича; но когда самъ Даніилъ выступилъ противъ него, то Бела не только былъ пораженъ, но еще и прогнанъ назадъ въ Угрію.

Въ ето время отецъ Ростислава, князь Михаилъ, также пріѣхалъ въ Угрію къ королевскому Двору; но, не нашедши при немъ довольно расположенія, вскорѣ воротился въ свой Черниговъ. Въ 1246-мъ г. онъ и, прежній его Новгородскій соперникъ, нынѣ же Великій князь Рускій, Ярославъ Всеволодичь, позваны были Татарскимъ ханомъ, Батыемъ, въ Орду, и въ ней оба погибли: Ярославъ отъ болѣзни, а Михаилъ замученъ за то, что не хотѣлъ исполнить извѣстныхъ священныхъ Татарскихъ обрядовъ, какъ языческихъ. Онъ убитъ былъ 20-го сент., 1246 г., и за страданія свои сопричисленъ потомъ Рускими къ лику Святыхъ.

Въ 1349-мъ Ростиславъ во второй разъ выступилъ противъ Романовичей съ Угорскимъ и Польскимъ войскомъ. Прежде всего сталъ онъ осаждать городъ Ярославъ, причемъ чуть было не лишился жизни [12]. Видя, что городъ етотъ крѣпокъ, онъ отступилъ къ Перемышлю, собралъ тамошнихъ жителей и снова воротился къ Ярославу. Сдѣсь приказалъ онъ, для взятія етого города, построить валы и тараны; а какъ работа шла медленно, то, для сокращенія времени и показанія смѣлости непріятелямъ, открылъ рыцарскія игры подъ самыми Ярославскими укрѣпленіями, въ коихъ, однако же, палъ подъ Ростиславомъ конь, отъ чего онъ вышибъ себѣ плечо [13]. Вско-

---

12 Объ етой осадѣ Ярослава упоминаетъ и король Бела IV въ грамотѣ, данной Лаврентію, придворному своему судьѣ, 13 апрѣл., 1264 г., напечатанной уже Тимономъ (въ Imago novae Hungar. pag. 79). Такъ онъ говоритъ въ ней: „Primo siquidem (Laurentius), cum adhuc in numero seu collegio juvenum domus nostrae famam pollentem et nomen duceret gloriosum, ipsum cum charissimo genere nostro, Ratislao duce Galliciae, in partes Rusciae cum ceteris regni nostri magnatibus duximus transmittendum. Qui sub castro Iroslo Ruthenis quam plurimis in perniciem ipsius generi nostri exeuntibus de eodem, et armatam in expeditionem nostram dirigentibus aciem, zelo devotae fidelitatis armatus, volens potius post mortem vivere per famae gloriam, quam tergum hostilitati hujusmodi vertere, se objecit; ubi transfosso hostili lancea crure suo exstitit lethaliter vulneratus.“ Сравн. St. *Katona* Historia critica regum Hungariae, tom. VI, ad ann. 1246, pag. 83. Georgii *Fejér* Cod. diplom. Hung., tom. IV, vol. 3 (Budae, 1829), pag. 179.

13 Волынская лѣтопись такъ отзывается о томъ: „Столщу же (Ростиславу) у гра-

рѣ потомъ явилисъ Романовичи, король Данiилъ съ, сыномъ своимъ, Львомъ, и братомъ Василькомъ, съ большими силами для выручки города; и вотъ, 18-го августа, произошла, подъ Ярославомъ, великая и рѣшительная битва, въ коей Ростиславъ и, помощники его, Угри и Поляки, поражены были. Главный полководецъ Угорскаго войска былъ тутъ Фильный (по Угорскимъ грамотамъ „Fyle banus"), человѣкъ храбрый и гордый, съ которымъ молодой князь, Левъ, самъ сразился и который тутъ былъ взятъ въ плѣнъ и, по приказанiю Данiила, умерщвленъ [14]. Въ етомъ сраженiи убитъ былъ подъ Ростиславомъ конь, да и онъ самъ, вѣроятно, попался бы въ плѣнъ, если бы Угорскiй бояринъ, Лаврентiй, не отдалъ ему тотчасъ своего коня [15]. Ростиславъ бѣжалъ, послѣ проиграннаго сраженiя, въ Польшу, гдѣ супруга его, Анна, находилась въ то время, которую взявъ съ собой, удалился въ Угрiю.

Радость Данiила объ одержанной побѣдѣ помрачена была нечаянным приказанiемъ Хана Батыя явиться въ Орду. Онъ не смѣлъ противиться тому, и пошелъ въ нее, какъ къ вѣрной смерти, сопровождаемый молитвами подданныхъ своихъ; но мудрымъ и уклончивымъ поведенiемъ своимъ и питьемъ необыкновеннаго напитка, кумыса, отклонилъ отъ себя несчастную судьбу столькихъ предшественниковъ своихъ, снискалъ уваженiе Татаръ и отпущенъ былъ, послѣ 25-ти-дневнаго пребыванiя, обратно въ земли свои. Возвращенiе его снискало ему силу и важность противъ его непрiятелей, потому что всѣ видѣли, что онъ пользовался совершенной безопасностью со стороны Татаръ. Отъ того и королъ Бела искалъ теперь помириться съ нимъ и, отправивъ къ нему какого-то боярина, Вицка, приказалъ предложить сыну его, Льву, руку дочери своей, Констанцiи. Впрочемъ, примиренiе суждено было привести въ дѣло только знаменитому Рускому митрополиту, Кирилу, который, возвращаясь

да (Ярославля) и строющу пороки, гордящуся ему, и сътвори игру предъ градомъ и сразившюся ему съ Боршемъ и падеся конь подъ нимъ и вырази себѣ плечо и не на добро случися ему знаменiе." *Арцыбышева* III, 12, No. 73. Етотъ Борешъ не есть ли Чешскiй Борешъ? Съ етѣмъ извѣстiемъ Руской лѣтописи во всемъ согласны Угорскiя грамоты, данныя королемъ Белой IV-мъ сыновьямъ етого Фильнаго 1250 г.: „Nos animadversione debita insignem patris eorum fidelitatem recensentes, et quod idem in quodam exercitu nostro in Ruscia, ab hostibus captus et diversis cruciatibus interemtus, diem miserabiliter clausit extremum", etc. См. *Katona* VI, 140; *Fejér* tom IV, vol. II, pag. 66.

15 Объ етомъ узнаемъ мы изъ Беловой грамоты, данной Лаврентiю, въ коей, послѣ приведенныхъ выше словъ, сказано: „Deinde cicatrice sui vulneris nondum obducta, cum Daniel Ruthenorum rex ad campestre proelium contra ipsum nostrum generum prodiisset, strenuitas ejusdem Magistri Laurentii, desidiae obscuritatem abhorrens, in lucem prodiit probitatis, et singulariter hostili se immiscens aciei, quemdam de Rusciae baronibus impulsu dejecit lanciali, quem supradictus gener noster fecit capite detruncari. In quo conflictu cum equus saepe dicti ducis, generi nostri praedilecti, fuisset interfectus, idem M. Laurentius, solitae fidelitatis insistens fervori, vitamque jam dicti ducis praeferens vitae suae, equum, quo vehebatur, eidem duci tradidit, et se inter hostes confertissimos posuit variis periculorum fluctibus involutum; sicut praemissa supradicti ducis et multorum fidelium ac fide dignorum nobis relatio patefecit."

изъ Константинополя, завернулъ въ Угрію, къ королю Белѣ. Даніилъ пріѣхалъ, 1250 г., самъ, съ сыномъ своимъ, Львомъ, и съ упомянутымъ митрополитомъ къ Белѣ въ Зволенъ, гдѣ и совершена была ета свадьба. Угорскіе плѣнники въ Ярославскомъ сраженіи выпущены были Даніиломъ на волю, и потомъ заключенъ постоянный миръ между Романовичами и королевскимъ Угорскимъ Дворомъ [16].

Хотя Волынская лѣтопись и молчитъ объ условіяхъ Зволенскаго мира въ пользу Ростислава, и проигранная имъ битва могла повлечь за собой также утрату земли, однако не льзя сомнѣваться, что етѣмъ миромъ возвращены были ему, по крайности, нѣкоторыя права въ Галиціи и даже уступлена была какая нибудь часть ея. Въ етомъ порукой намъ не только титло князя Галицкаго, отъ коего онъ не отрекся и послѣ, но и послѣдующія историческія данныя, указывающія на какое-то владѣніе Ростиславовой вдовы въ Галиціи около 1266 [17]. Перешедши въ Угрію, Ростиславъ пересталъ, такъ сказать, быть болѣе Русомъ и, мало по малу, Рускіе лѣтописцы теряють его изъ глазъ своихъ; за то сдѣлался онъ княземъ Угорскимъ и является уже участникомъ въ войнахъ короля Белы IV-го съ послѣднимъ Бабенбергомъ, Австрійскимъ княземъ, Фридрихомъ Воинственнымъ († 1246) [18]. Не льзя навѣрное сказать, былъ ли онъ баномъ всей Славоніи въ 1243, а потомъ вторично 1247 г., какъ говорятъ намъ о томъ двѣ Угорскія грамоты [19], потому что первая изъ нихъ кажется сомнительной, по крайней мѣрѣ, по времени, а въ прочихъ 1243—1245, также 1250 и слѣд. год., въ Славоніи упоминаются другіе баны [20].

Тѣмъ, напротивъ того, вѣроятнѣе, что если не прежде, то, по крайности, 1254 г. князь Ростиславъ сдѣлался владѣтелемъ Мачевскимъ или Мачвы (dominus de Machou), которая составляетъ край нынѣшняго Сербскаго княжества, лежащій на рѣкѣ Савѣ, и что онъ, впослѣдствіи, назывался еще и Босанскимъ баномъ (dominus de Bozna), равно какъ и вдова его послѣ не-

---

16 Приведенное выше извѣстіе объ Ярославской битвѣ и Зволенскомъ мирѣ показываетъ, особенно Угорскимъ историкамъ, какъ необходимо тщательное и подробное изученіе древнихъ Рускихъ лѣтописей, именно Волынской (еслибъ только поскорѣе издана была! *Издана ужь. Перев.*) для исторіи Угровъ. О Зволенскомъ мирѣ всѣ доселѣшніе Угорскіе историки, на пр., Прай, Катона, Енгель, Феслеръ, и др., совершенно ничего не знаютъ, а стычка подъ Ярославомъ извѣстна имъ только по диплому Белы, которую Тимонъ относилъ къ 1240, Корнидъ 1242, Прай, Енгель и Феслеръ 1243, Катона 1246 г., и все ето по одной лишь догадкѣ, неосновательно; смерть же *бана* Филе (Фильнаго) Феслеръ пріурочилъ къ 1244 г., и безвкуснымъ прагматизмомъ своимъ прибавилъ ошибокъ къ ошибкамъ.

17 Разумѣемъ въ особенности письма королевы Кунгуты, которые мы, какъ можно скорѣе, издадимъ въ свѣтъ въ изслѣдованіи своемъ „Ueber Formelbücher", и въ которыхъ она проситъ мать свою, Анну, приказать возвратить назадъ взятый въ землѣ ея товаръ у Опавскаго купца.

18 См. грам. короля Белы, 1255 г., нояб. 20, in *Fejér* Codex diplomat. Hung. IV, vol. 2, p. 314.

19 *Fejér* l. c. IV, vol. I, pagg. 284 et 454.

20 См. Georg. *Fejér* Index codicis diplom Hung. Budae, 1830, pag. 163,191.

го [21]. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣмъ етѣмъ онъ обязанъ былъ тестю своему, королю, который, кажется, питалъ къ нему особенную любовь. Подробнѣйшихъ свѣдѣній объ управленіи его Мачвой и Босной мы не имѣемъ. А что, современный ему, Чешскій лѣтописецъ, Continuator Cosmae, назвалъ его „Булгарскимъ княземъ," то, разумѣется, произошло отъ того, что онъ, по прежнему, былъ исповѣдникомъ Грекославянской Церкви, которую въ Чехахъ, обыкновенно, называли Булгарской, или же, по крайней мѣрѣ, что онъ повелѣвалъ народомъ, слѣдовавшимъ ученію етой „Булгарской" Церкви. Трудно повѣрить, чтобы Чехи и тогда еще считали Мачву частью Булгаріи.

Гораздо скорѣе можно бы понять названіе Ростислава княземъ Булгарскимъ, если бы была справедлива Феслерова догадка [22], что „Rosos Uros," о коемъ упоминаетъ Византійскій писатель, Акрополитъ, подъ 1258 г., былъ нашъ Ростиславъ, а Булгарскій государь, Mytzes, или Michael—старшій сынъ Ростиславовъ. Точно Акрополитъ называетъ, въ одномъ мѣстѣ, етого Rosos Uros затемъ Угорскаго короля, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ же часто повторяетъ, что етотъ былъ и тестемъ Булгарскаго князя, Михаила Асѣна, скончавшагося, 1258 г., бездѣтнымъ на двадцатомъ году своей жизни. Не льзя думать, чтобы Ростиславъ, женившійся только въ 1243 г., могъ уже, около 1258, выдать дочь свою за Михаила Асѣна, и чтобы сынъ его, Михаилъ, тоже, въ етомъ 1258 г., взялъ себѣ въ супруги сестру упомянутаго Михаила Асѣна, потому что очевидно, что ето ошибочное имя, „Rosos Uros" должно относить къ тогдашнему Сербскому королю, Стефану Урошу.

О затрудненіяхъ, встрѣтившихся, 1261 г., при обрученіи Ростиславовой дочери, Кунгуты, съ Чешскимъ королемъ, Отакаромъ II-мъ, по причинѣ взаимнаго родства ихъ по матерямъ [23], и отстраненныхъ, напослѣдокъ, папой Урбаномъ IV-мъ, разсказываетъ намъ самъ король Бела IV-й, въ грамотѣ 7-го генв., 1263, данной Товіи, Загребскому пробсту:

„Guerrantibus nobis cum rege Boemorum, — cum aliter pacari non possemus, nisi inter nos et praedictum regem Boemorum ordinassemus parentelam, dando sibi in matrimonium neptem nostram, eique matrimonio impedimenta legitima obviarent, super quibus ipsum Mag. Tobiam — ad curiam Romanam destinavimus: ipsius ministerio in impedimentis supradictis apostolicam dispensationem meruimus et pacem perpetuam regno nostro [24]."

Князь Ростиславъ, сколько знаемъ, имѣлъ четверо дѣтей съ Угриней Анной: двухъ сыновей, *Михаила* и *Белу*, и двухъ дочерей, Кунгуту и Грифину (Агрипину, Аграфену?). Михаилъ, кажется,

21 См. *Fejér* Cod. dipl. tom. IV, vol. 2, pag. 218; vol. 3, pag. 210, 235.

22 *Fessler's* Gesch. der Ungarn, II, 599. *Stritter* Memoriae populorum etc. II, 749—52, III, 696.

23 Отакарова баба, королева Констанція, была родная сестра Угорскаго короля, Андрея II, отца Белы.

24 *Fejér* l. c. vol. 3, pag. 101 seq.

былъ старшимъ, потому что упоминается уже въ 1262 г., какъ самостоятельный государь (хотя неизвѣстно, въ которомъ краѣ), т. е., въ мирномъ договорѣ молодаго Угорскаго короля, Стефана, съ отцемъ своимъ, Белой, 5-го декабря, 1262 г.[25]. Если ето такъ, то Кунгута, выходя за Отакара 1261 г., была, по большой мѣрѣ, 16-ти лѣтъ.

Извѣстно, что молодой Угорскій король, Стефанъ V, нѣсколько разъ поднималъ оружіе противъ отца своего, Белы. Первая война между ними произошла 1262 г., вторая, грозившая разразиться 1264, предупреждена была, кажется, настояніемъ папы, Урбана IV; третья кончилась, 1267, большимъ кровопролитіемъ и многократнымъ пораженіемъ приверженцевъ Белы; но о четвертой, прерванной смертью Белы 1270, мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній.

Въ первомъ возстаніи, кажется, молодой князь, Михаилъ Ростиславичъ, держалъ сторону племянника своего (по сестрѣ), короля Стефана, между тѣмъ какъ мать его, Анна, оставалась постоянно вѣрной отцу и, часто ссорясь съ дѣтьми, искала помощи для него въ самыхъ Чехахъ. Мы увѣрены, что только необходимость помощи побудила ее уйти въ 1262 г. къ, могущественному зятю своему, королю Отакару II-му. И точно, она встрѣчается намъ въ Прагѣ, 15 іюля, 1262, и приводится, между свѣдѣтелями, въ грамотѣ королевы Кунгуты, данной Вышеградскому храму: „venerabilis mater nostra, domina Anna de Galatia, de Machov et de Rodna." А что дѣйствительно въ етомъ году Отакаръ послалъ войско изъ своихъ Чешскихъ и Австрійскихъ земель въ помощь королю Белѣ, ето знаемъ мы изъ слѣдующаго обѣщанія короля Стефана, даннаго въ упомянутомъ уже договорѣ, 5-го декабря, 1262 г.: „repromittibus sibi (т. е., королю Белѣ) Teutonicos, Sclavos ad ducatum Sclavoniae pertinentes, et *Bohemos*, quos in praesentiarum habet vel habuerit in futurum, non sollicitare, allicere, rogare vel rogari facere, ut ad nos veniant, etc."

Названіе „*de Rodna*", даваемое Кунгутой матери своей, безъ сомнѣнія, относится къ Горному городу того же имени, извѣстному и теперь еще въ сѣверовосточной Седмиградіи, лежащему межъ Карпатскими отрослями, и сильно потерпѣвшему въ Татарское нашествіе, 1241 г. Вотъ что говоритъ объ етомъ городѣ M. Rogerius, описавшій вѣрно и живо, какъ очевидецъ, разореніе Угорской земли Татарами: „Rex Cadan, inter Rusciam et Comaniam per silvas trium dierum habens iter sive viam pervenit ad divitem *Rudanam*, inter magnos montes positam Teutonicorum villam, regis argentifodinam, in qua morabatur innumera populi multitudo, etc.[26]." А потому, кажется, что въ 1262 году

25 *Katona* l. c. pag. 368—70. *Pejér* l. c. p. 76. Въ немъ Стефанъ обѣщаетъ слѣдующее „Quod si in subsidium Michaelis ducis, charissimi fratris nostri exercitum aliquem mittere nos contingat, non mittemus, nec ipsum exercitum procedere patiemur per terram carissimi patris nostri."

26 In *Schwandtneri* Script. rer. Hungaricarum, I, 302. *Сравн.* Chron. Austral. ap. *Freher-Struve*, I, 457. Также и выписку изъ Волынской лѣтописи къ 1238 г., приведенную выше въ етомъ изслѣдованіи, гдѣ ета рудокопня ошибкою названа Родка.

етотъ Руденской край отданъ былъ королемъ Белой Ростиславову семейству во владѣніе и, можетъ быть, ето была именно та страна, коей владѣлъ, слѣдуя приведеннымъ выше словамъ, молодой князь, Ростиславичь.

Совершенное опущеніе и умолчаніе имени Ростиславова во всѣхъ событіяхъ, случившихся съ 1260 по 1264 г., особенно же при усобицахъ Угорскаго королевскаго Дома 1262, основательно показываютъ намъ, что етотъ князь въ то время уже не жилъ, хотя только въ 1264 упоминается онъ, какъ покойникъ, именно, въ тѣхъ булахъ, коими папа Урбанъ IV-й подтверждаетъ „nobili mulieri Agnae (sic) viduae, ducissae Galitiae, de Bosna et Mazo dominae, ac nobilibus viris Michaeli et Bele natis ejusdem," всѣ ихъ земли и принимаетъ ихъ подъ свою охрану [27]. Но когда умеръ онъ, мы по сю пору не могли узнать етого.

Что князь Михаилъ Ростиславичь, старшій братъ королевы Кунгуты, жилъ еще 1268 г., ето извѣстно намъ изъ нѣсколькихъ писемъ ея, въ коихъ она ходатайствовала за него у короля Стефана и королевъ Угорскихъ, Маріи и Єлисаветы, т. е., чтобы они не преслѣдовали его, навлекшаго на себя ихъ подозрѣніе, но снова приняли бы къ себѣ ласково, потому что онъ больше всѣхъ желаетъ остаться имъ вѣрнымъ [28]. Но далѣе всѣ извѣстія о немъ уже прекращаются.

Младшій братъ, Бела Ростиславичь, владѣлъ, послѣ отца своего, Мачвой, чуть ли не по самый 1272 г. Доказательствомъ тому служатъ слѣдующія слова короля Белы IV-го, въ грамотѣ, данной 9-го апр., 1269 г.: „Cum nos pro contumacia, ac propter devastationem terrae de Macho, in auxilium carissimi nepotis nostri Belae ducis, contra Vuros regem Serviae nostrum exercitum destinassemus, fidelis juvenis noster Michael, filius Petri de genere Chak, in conflictu ipsius regis contra oppositam aciem fortiter dimicavit, lethale vulnus excipiens laudabiliter proeliando, sicut etiam per carissimum ducem Belam nobis constitit, ut idem Michael in ipsa area cerminis duos barones, videlicet generum ejusdem Wros et filium Magistri tavarnicorum suorum captivasset, quos cum armis militaribus et dextrariis valentibus nobis praesentavit; quorum veritas et notitia per carissimam filiam nostram Annam ducissam, et carissimum nepotem nostrum Belam, ducem de Macho, nobis fuit revelata", etc. Отсюда же узнаемъ и о войнѣ, которую Угры, помогая ему, вели съ, Сербскимъ королемъ, Урошемъ.

Король Бела IV-й, лежа на одрѣ смерти и воюя еще съ сыномъ своимъ, просилъ Чешскаго короля, Отакара II-го, принять, по смерти его, подъ охраненіе, супругу, дѣтей и всѣхъ вѣрныхъ его [30]. А потому, когда онъ умеръ (3 мая, 1270 г.), то не только многіе Угорскіе вельможи и Галицкая княжна, Анна, бѣжали въ Чехы, но так-

27 Сравн. *Fejér* l. c. vol. 3, pag. 210 и 236. Italienische Reise (изданное мною въ 1838 г.), pag. 40.

28 Издаемъ етѣ письма въ упомянутомъ уже изслѣдованіи: „Ueber Formelbücher," и т. д.

29 *Fejér* Cod. dipl. l. c. vol. 3, pag. 490 sq.

30 Доказательствомъ тому посланіе етого короля Белы къ Отакару въ упомянутомъ выше изслѣдованіи „Ueber Formelbücher", etc.

же и всѣ клейноды Угорскаго государства, святой вѣнецъ, мечь, и т. п., привезли съ собой и отдали королю, Отакару, на сбереженіе [31]. Несогласія и войны, происшедшія оттуда, подробно описываются въ исторіи Чешской, а потому нѣтъ нужды повторять ихъ сдѣсь. Между бѣжавшими вельможами находился также и графъ Генрихъ Кисецкій, который, не довѣряя королю, Стефану, призналъ за лучшее и послѣ заключенія мира остаться въ Чехахъ, а женившись на дочери Смиля изъ Лихтенбурга, хотѣлъ, казалось, совсѣмъ сдѣлаться Чешскимъ вельможей. Но когда вскорѣ потомъ, по смерти Угорскаго короля, Стефана (1-го авг., 1272 г.), главный, нѣкогда, врагъ его въ Угріи, графъ или жупанъ Пресбургскій, Гилгій, тоже удалился къ Отакару и нашелъ у него почести и убѣжище, то графъ Генрихъ такой воспламенился злостью и местью противъ Чешскаго короля и его семейства, что, бѣжавъ назадъ въ Угры и снискавъ себѣ особую любовь вдовствующей королевы, Єлисаветы, началъ не только подущать Угровъ противъ Чеховъ, но даже, поссорившись съ княземъ Белой, братомъ Кунгуты, убилъ его на островѣ Дуная, у Будина, и разсѣкъ въ мелкіе куски, кои Угорскія княжны сами, съ великимъ плачемъ, подбирали для преданія землѣ [32]. Етотъ звѣрскій поступокъ, совершенно прекратившій, кажется, родъ Ростиславовъ въ мужескомъ колѣнѣ (потому что о князѣ Михаилѣ нигдѣ не встрѣчаемъ болѣе ни какихъ свѣдѣній) [33], былъ причиной новой кровопролитной войны Чеховъ съ Уграми въ 1273 г., о которой пространно разсказываетъ исторія Чешская.

Младшая сестра королевы Кунгуты, по имени Грифина, выдана была за Польскаго князя, Лешка Чернаго, бывшаго, по смерти Болеслава Стыдливаго (✝ 1279) княземъ и государемъ Краковскимъ, и умершимъ 1289. Польская исторія показываетъ намъ, что во время распрей, возникшихъ, по кончинѣ Генриха IV-го, за наслѣдственное право владѣнія Краковскимъ княжествомъ, княгиня Грифина болѣе всѣхъ постаралась о томъ, чтобы племянникъ ея, Чешскій король, Вацлавъ II-й, получилъ себѣ, 1291 г., Краковъ и Судомиръ. А Чешскіе источники говорятъ намъ, сверхъ того, что она потомъ переселилась въ Прагу, и въ ней, еще 1300—1303 г., воспитывала молодую Чешскую королеву, Єлисавету или Рейчку, вторую жену короля Вацлава II-го [34]. Ето — послѣднее извѣстіе, которое удалось намъ отыскать вообще о родѣ князя Ростислава Михайловича Галицкаго.

---

31 „De insigniis regalibus, corona videlicet, gladio monili, sella, scutellis et aliis clenodiis ac thesauro', delatis per D. Annam in regnum Boemiae", — сказано въ мирномъ договорѣ 3 іюля, 1271, заключенномъ между королемъ Отакаромъ и Стефаномъ.

32 Gesch. von Bohmen, II, 1, 210 sq.

33 По крайней мѣрѣ, ошибается *Карамзинъ*, утверждая (Ист. госуд. Росс. IV, стр. 38), что „отъ сыновей его (Ростислава), Белы и Михаила, пошли Герцоги Маховскіе и Боснійскіе", потому что такихъ князей никогда не было; потомъ *Штраль* (Gesch. d. Russ. Staates, II, 50) повторилъ ошибку Карамзина.

34 *Chron. Aulae reg.* ap. *Dobner* V, 137: „Per tres annos illustri dominae Griffiniae, materterae regis, quondam ducissae Krakoviae, illam tradidit educandam."

Хотя въ родословной Рускихъ князей приводятся еще младшіе братья Ростислава, владѣвшіе, по смерти отца своего, Михаила Всеволодовича (1246) наслѣдственными удѣлами: Романъ Брянскомъ, Мстиславъ Карачевомъ, Симеонъ Глуховомъ, и Юрій Торусой [35], и даже, спустя сто лѣтъ потомъ (1375), встрѣчаются въ Руской исторіи князья, называемые потомками упомянутаго Михаила Всеволодовича [36], однако мы не станемъ розыскивать долѣе, что тутъ и на сколько справедливо или ложно, потому что такое розысканіе было бы вовсе безполезно для нашей исторіи. Съ насъ довольно будетъ и того, если удалось намъ познакомить поближе соотчичей нашихъ съ родомъ, бывшимъ, когда-то, нѣкоторое время, довольно важнымъ для Чеховъ, Угровъ и Поляковъ, а теперь имъ совсѣмъ почти неизвѣстнымъ.

---

35 *Карамзинъ* въ привед. мѣстѣ IV, 37, 38, и въ примѣчаніяхъ стр. 21, 22.

36 См. *Арцыбышева* III, 123, н. 879, который приводитъ изъ родословныхъ книгъ, что отъ етого, де, Михаила Всеволодовича пошли князья Глуховскіе, Новосильскіе, Бѣлевскіе, Одоевскіе, Борятинскіе, Карачевскіе, Торускіе, Оболенскіе и другіе.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Внимательный читатель замѣтитъ, что въ етой переводной статьѣ употреблено мною всюду *є* вм. *е* въ томъ случаѣ, гдѣ ето послѣднее какъ въ Рускомъ, такъ и во всѣхъ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, по природѣ своей и произношенію, есть мягкой звукъ (jotatum), а вм. *э*, лишняго уже по тому и употребляемаго нами только въ трехъ, четырехъ, словахъ, поставлено *е*. Ето вовсе не нововведеніе, принадлежащее мнѣ, но только возобновленіе того правописанія, которое предки наши и прочіе соплеменники, пишущіе Кириллицей, нѣкогда, со всей строгостью и систематической послѣдовательностью, наблюдали почти до самой половины XVII, а отчасти начала XVIII-го столѣтія. Сперва, въ уставномъ письмѣ, звукъ етотъ выражали двумя соединенными буквами, *ѥ*, а потомъ, съ переходомъ въ полууставъ и скоропись, посредствомъ *є̈*, далѣе *є́*, и, напослѣдокъ, просто *є*. Филологи и граматики тотчасъ поймутъ, къ какимъ упрощеніямъ и облегченіямъ ето можетъ повести насъ, если только мы рѣшимся принять его, тѣмъ болѣе, что ето, какъ я замѣтилъ сейчасъ, вовсе не какой либо нововыдуманный азбучной знакъ, но наша старинная буква, имѣющая разумное и логическое основаніе для себя и долговременное, когда-то, употребленіе въ письмѣ, изъ коего исключена неосмотрительностью нашихъ реформаторовъ.

Переводчикъ.

